особенно ясно чувствуется в том месте плача-молитвы Адама, где он заступается за Исуса Наввина и пророка Гедеона. «Грехом» Исуса было покорение Иерихона. Воздействие устного предания ощущается в описании Иерихона: «Град же бяше каменен, а заборолы железны, тесом побиты сребряным, да узлачен»; в рассказе о том, как Исус «изби триста и семь тысяч рати». Пророк Гедеон провинился тем, что он «искусиша руном бога». Фольклорная обработка чувствуется в троекратном загадывании загадок Гедеоном, в том, как он из руна «вынеме двенадцать пудов воды». Рассказ о строительстве царем Соломоном храма «Святая Святых» в Иерусалиме, загадывание им загадок и освящение храма двумя орлами находит аналогии в широко распространенных апокрифических сказаниях о Соломоне.

Как же в самих списках «Слова на Лазарево воскресение» определяется его жанр? Его называют и «словом», и «повестью» или «повестями святых апостол», «святых пророк», а в большинстве случаев к текстам «Слова» в рукописях жанрового определения не дано, и называются они по-разному: «О выведении праведных из ада», «В субботу цветную воскресение друга божия Лазаря», «О радости праведных во аде пред Христовым пришествием»; а в одном из списков писец объединил оба названия — и «слово», и «повесть»: «Слово повесть святых апостол от Адама к Лазарю четверодневному».[31]

Интересно, что почти всегда текст краткой редакции, т. е. плач-молитва Адама, назван «словом... от Адама во аде к Лазарю». Термин «слово» имел в древнерусской литературе достаточно широкое значение,[32] но прежде всего он означал торжественную, эпидейктическую речь. Такое понимание этого названия мы находим в списках пространной редакции «Слова о Лазаревом воскресении». Они называют произведение «Словом ... на Лазарево воскресение», потому что оно приурочивалось к торжественному церковному празднику — Лазаревой субботе. Редактор краткой редакции чувствует ораторскую основу «Слова о Лазаревом воскресении», но, вероятно, называя текст «Словом», он привносит в это название оттенок того значения, на которое указывает Н. А. Мещерский: «... устное предание-сказание, легенда».[33] Редактор краткой редакции конкретизирует значение термина «слово»; он обозначает им то, что было в действительности сказано, произнесено Адамом, и поэтому в название текста добавляет: «... иже от Адама во аде к Лазарю».

Итак, обращение к тексту «Слова на Лазарево воскресение» подтверждает определение этого памятника И. П. Ереминым как эпидейктической речи. Но как произведение высокохудожественное, оно не укладывается целиком в рамки ораторского жанра, как и «Слово о полку Игореве», с которым все исследователи «Слова о Лазаревом воскресении» его сопоставляли. Обнаруживая некоторые лексические и стилистические аналогии со «Словом о полку Игореве», поучениями Кирилла Туровского, «Словом» Илариона и другими произведениями ораторского

1533 г.). — Тезисы докладов на совещании молодых специалистов «Вопросы изучения средневекового славянского и греческого рукописного наследия в советских собраниях (текстология, палеография, кодикология, источниковедение и др.)». Л., 1967, стр. 11—13.

[31] Собрание Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева в Москве, № 107. Измарагд, конец XVI в.

[32] См. об этом: Н. Ф. Дробленкова. По поводу жанровой природы «Слова о Вавилоне». — ТОДРЛ, т. XXIV, Л., 1969, стр. 129—130.

[33] Н. А. Мещерский. 1) К толкованию лексики «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Ленинградского университета, № 193, серия филологических наук, вып. 24, Л., 1956, стр. 4; 2) К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 43.